

Чжу Яньинь все еще не слишком верил в это. Хотя владыка дворца Ли и вправду вел себя как настоящий злодей, мысль о том, что они были братьями по обучению, казалась слишком... Как ни крути, это было очень странно. Единственное сходство, пожалуй, крылось в том, как они выбирали названия: один нарек выкопанный глубоко под землей дворец Ваньжэнь, а другой принялся жечь огонь среди бескрайних снегов северо-востока. Оба делали все по-своему, вопреки всякой логике.

— О чем задумался молодой господин? — спросил Чжу Чжан.

— А? — опомнился Чжу Яньинь. — Да так, ни о чем. Я бы хотел еще послушать о владыке дворца Ли.

— Больше рассказывать нечего, — Чжу Чжан велел Чжу Сяосюю принести горячей воды для умывания, а сам продолжил мягко убеждать: — Если второму молодому господину Чжу и впрямь так интересен мир цзянху, то в пути можно просто слушать чужие истории. В крайнем случае, когда вернемся, попросим старшего молодого господина устроить в Цзяннани грандиозное состязание мастеров боевых искусств, созвать туда разные школы и кланы, пусть себе бьются хоть несколько дней и ночей напролет. Но вот что касается вражды между Альянсом боевых искусств и Демоническим культом, или счетов владыки дворца Ли с Читянем — там бьются не на жизнь, а на смерть, на настоящих клинках. Нам никак нельзя в это вмешиваться, лучше держаться от таких дел подальше.

Он говорил так искренне, что едва не прослезился от преданности. Чжу Яньинь тогда послушно кивнул, соглашаясь, но, стоило Чжу Чжану уйти, он сам того не замечая полночи думал о владыке дворца Ли. Не о чем-то конкретном, просто ему казалось, что в душе такого человека наверняка скрывается множество тайн.

Реальный мир цзянху куда более жесток и кровавопролитен, чем тот, что описывают в романах. А значит, и жизненные распри должны быть куда более запутанными и странными, чем в книжках. Второму молодому господину Чжу и впрямь доводилось читать немало историй о том, как названные братья становились смертельными врагами — чаще всего из-за власти, денег или прекрасной соученицы. Но когда он вспоминал лицо Ли Суя, так и кричащее: «Вы все сдохнете», то понимал, что ни один из этих мотивов ему не вяжется.

Он зевнул и, плотнее закутавшись в шелковое одеяло, принялся задумчиво разглядывать брезжащий за окном рассвет.

Не успел он опомниться, как совсем рассвело.

Утро после дождя выдалось не холодным и не жарким. Свежий воздух так и манил отправиться в путь. Чжу Яньинь поначалу хотел вздремнуть в повозке, но сонливость уже отступила, оставив лишь легкую тяжесть в голове. Засыпать не хотелось, поэтому он выбрался наружу, уселся рядом с дядей Чжуном и принялся уныло разглядывать растущие вдоль горной дороги деревья.

Чжу Чжун с улыбкой спросил:

— Почему молодой господин такой вялый?

— М-м, не выспался, — Чжу Яньинь непрерывно зевал.

Неподалеку от них Цзян Шэнлинь читал кому-то вовсю нотации: мол, посмотри, ну посмотри же! Что я говорил вчера вечером? Сяо Инь из-за твоих жутких историй о том, как

Демонический культ вырезает кланы, и вправду всю ночь глаз не сомкнул, вон какие круги под глазами залегли, грех-то какой! И почему ты молчишь, о чем ты вообще думаешь?

Ли Суй с каменным лицом ответил:

— Думаю, когда бы сбросить тебя с горы.

У Цзян Шэнлиня аж дыхание перехватило от возмущения:

— Ладно, впредь держись от Сяо Иня подальше.

В этот момент Тисюэ Учжуй вдруг перешел на рысь и резво побежал вперед.

Холодный владыка дворца в седле: «?»

Чжу Яньинь тем временем держал в руках бобовую лепешку и кормил своего Чжао Юйшицзы.

Огромный белый конь ел неторопливо и привередливо, за долгое время откусив лишь крошечный кусочек. Дядя Чжун весело проговорил:

— Они совсем не голодны. Молодому господину лучше пойти покормить тех лошадей, что сзади...

Не успел он договорить, как к ним ласково потянулась угольно-черная лошадиная морда.

Ли Суй: «...»

Чжу Яньинь удивленно поднял голову, все еще держа лепешку на весу.

Ли Суй, облаченный в черные одеяния, с суровым лицом возвышался на коне против солнечного света. Вид у него был такой, будто он явился не выпросить угощение для коня, а вырезать всю семью до единого человека.

Что же до Тисюэ Учжуй, то в своей любви к бесплатным угощениям он пошел весь в хозяина: без лишних церемоний раскрыл пасть и принялся уплетать лепешку с таким довольным видом, будто это было его законное лакомство.

Чжу Яньинь с опозданием вспомнил предупреждение «в следующий раз пощады не будет», услышанное еще в ущелье, и тут же отдернул руку:

— Я его не кормил, твой конь сам подошел!

Владыка дворца Ли лишь выдавил из себя высокомерное и надменное «угу».

Сложно сказать, было ли ему неловко, но даже если этот злодей и испытывал неловкость, он держался так холодно и властно, что простой смертный ни за что бы ничего не заметил.

Это была непоколебимая уверенность в собственной правоте — словно вольный ветер, летящий сквозь бушующие облака.

В древних книгах коней породы тисюэ учжуй описывали как свирепых, буйных и совершенно необузданных созданий. Утверждалось, что даже если такой конь столкнется в диких степях со стаей хищников, он сможет растоптать их черепа копытами. Насчет свирепости этого конкретного скакуна судить было трудно, но бобовые лепешки из усадьбы Чжу ему явно

пришлись по вкусу.

Наевшись чужого корма, вороной конь с чувством выполненного долга удалился.

И унес с собой своего сурового хозяина.

Не оставив после себя ни единой крошки.

Чжу Чжун тайком вытер холодный пот со лба, подошел ближе и спросил:

— Второй молодой господин, как думаете, может, нам отправить во Дворец Ваньжэнь немного бобовых лепешек и корма?

Чжу Яньинь немного поколебался и ответил:

— Не стоит. Владыка дворца Ли не любит, когда другие кормят его коня.

Чжу Чжун согласился и велел слугам отнести мешок с лепешками обратно в повозку.

Но хоть корм они и не отправляли, лакомства для Тисюэ Учжун в последующие дни не прекращались. Поскольку отряды усадьбы Чжу и Дворца Ваньжэнь двигались практически вместе, конь повадился прибегать к ним на перекус. Чжу Яньинь поначалу немного нервничал, но заметив, что Ли Суй никак на это не реагирует, постепенно успокоился. Помимо лепешек он время от времени угощал коня свежими дикими ягодами, нежными побегами трав, а также большими паровыми булочками из отрубей и соевых бобов, которые готовил дядя Чжун. В них добавляли сушеные целебные травы, отчего выпечка пахла невероятно аппетитно. От такого питания вороной конь заметно округлился и окреп. Когда он стоял под палящим полуденным солнцем, высоко подняв голову, его шерсть лоснилась и сияла так величественно, словно это был сошедший с картины волшебный скакун, парящий среди облаков!

Цзян Шэнлинь только диву давался:

— Надо же, не знал, что коней можно так баловать.

Ли Суй взглянул на него:

— Ты же лекарь, как ты можешь этого не знать?

Цзян Шэнлинь в очередной раз убедился, насколько этот человек мастер придирается на пустом месте. «Я ведь не ветеринар, с чего мне знать, как кормить лошадей? К тому же, когда я в прошлый раз всего лишь угостил его морковкой, ты посмотрел на меня с такой миной, будто у тебя кто-то умер».

Ли Суй прижал пальцы к губам и свистнул.

Тисюэ Учжун, обладавший чутким слухом, тут же сорвался с места, вздымая клубы пыли, выскочил из рядов усадьбы Чжу и примчался обратно к хозяину.

На его седле красовалась изящная подушечка, расшитая золотыми и серебряными нитями с изображением гор и рек — бог знает, как конь ухитрился стянуть ее с Чжао Юйшицзы.

Цзян Шэнлинь усмехнулся:

— Гляди-ка, научился не только набивать брюхо, но и уносить гостинцы с собой.

Ли Суй двумя пальцами подцепил белоснежную подушечку. Лицо его не выражало абсолютно ничего.

Спустя мгновение к ним, заискивающе улыбаясь, подошел слуга из усадьбы Чжу, чтобы забрать подушечку своего молодого господина. Он пояснил, что она набита целебными травами и шелком, отчего сидеть на ней куда мягче и прохладнее. Взамен он принес охапку других совершенно новых подушек, тоже расшитых золотом и серебром, и передал их ученикам Дворца Ваньжэнь в качестве компенсации.

Забирать собственные вещи и при этом платить компенсацию Дворцу Ваньжэнь — такое поведение казалось абсурдным, но если вспомнить пугающую ауру владыки дворца Ли, которая словно заявляла: «Все, на что упал мой взор, принадлежит мне», то подобный поступок выглядел на удивление логичным.

Получив подушечку назад, Чжу Яньинь вытянул шею и украдкой взглянул в сторону Ли Суя.

Ли Суй в этот момент тоже смотрел на него. Ветер трепал полы его черного одеяния, а взгляд казался слегка холодным.

Чжу Яньинь поспешно отступил на полшага, крепко прижал к себе подушечку и юркнул в повозку.

Всего хорошего!

Ли Суй: «...»

Цзян Шэнлинь взял одну из новых подушек, положил на свое седло, уселся и довольно протянул:

— Красота!

По правде говоря, его собственное состояние тоже было весьма внушительным — богатые пациенты, молившие о помощи, готовы были завалить его золотом. Однако до того, как увидеть роскошь усадьбы Чжу в Цзяннани, божественный целитель Цзян совершенно не представлял, на что тратить деньги. Он лишь время от времени помогал беднякам, а остальное богатство без разбору сваливал в кладовую, сам же продолжал странствовать по цзянху. И только теперь он наконец осознал: богатство действительно может сделать жизнь гораздо приятнее.

Ли Суй взмахнул плетью и промчался на своем коне прямо мимо целителя, который, восседая на парчовой подушке, предавался философским размышлениям о жизни. Лошадь Ли Суя подняла целое облако едкой пыли.

Цзян Шэнлинь закашлялся:

— Кхе-кхе!

Этой ночью отряд снова расположился на привал в глубине гор. Чжу Яньинь вышел из повозки размять кости, и Чжу Чжан заметил:

— Как только перевалим через эту гору, дальше на север потянутся равнины. Идти станет гораздо легче.

— Угу, — Чжу Яньинь огляделся по сторонам. — Эта гора поистине огромна.

Как писал поэт: «Южная гора застилает небо и землю, солнце и луна рождаются из камней». Здешний пейзаж мало чем отличался: хребет за хребтом, вершины вонзались прямо в облака, вздымаясь и опускаясь до самого горизонта, которому не было видно конца.

Повсюду вился дым — люди вовсю готовили ужин. Чжу Яньинь, перекусив днем лакомствами, совсем не испытывал голода. К тому же от дыма у него заслезились глаза, поэтому Чжу Чжан велел стражникам сопроводить молодого господина на прогулку в ближайшую рощу, чтобы тот мог немного развеяться.

Лунный свет был ярк, он заливал горы серебром, окрашивая деревья в белые тона.

Глубокий горный пруд тоже отливал серебром.

Ли Суй, по-прежнему завернувшись в легкий черный халат, погрузился по грудь в холодную воду; глаза его были прикрыты.

В ушах шумел лишь тихий шелест ветра да стрекотали цикады — их хор то нарастал, то затихал, переливаясь на разные лады.

Чжу Яньинь шел вперед, негромко спрашивая на ходу:

— Что это за насекомые? Звучит совсем не так, как обычные сверчки.

<http://bllate.org/book/18290/1754067>